

© 1994 г.

А.И. ЗИМИН

ГЕОПОЛИТИКА — СУДЬБА РОССИИ?

Политический феномен В. Жириновского удивил и озадачил многих наших современников. Слишком уж неожиданным был взлет популярности этого, безусловно, незаурядного человека и яркой личности, породивший в обществе множество всевозможных толков. Одних личность Жириновского привлекает, других отталкивает, третьи хранят благоразумное настороженное молчание. Для кого-то с Жириновским «все ясно», для кого-то он остается загадкой, кто-то связывает с ним надежды на возрождение российского государства, а кто-то видит в нем угрозу миру и демократии, одного из лидеров российского фашизма. Чего-чего, а уж разговоров вокруг фигуры В. Жириновского предостаточно: мало кого из наших современников он оставляет безучастным.

На этот причудливый калейдоскоп мнений можно взглянуть как на результат серьезной, тонкой политической игры и как на следствие политической контрпропаганды, и как на естественный разлив обывательских домыслов в условиях отсутствия достоверной информации о принципах и методах действия партии Жириновского. Возможны и иные точки зрения. Меня, например, многое смущает и настораживает в методах и приемах политической практики ЛДПР и ее лидера. Однако это не повод для безоговорочно негативных выводов.

У науки, в отличие от политики и обыденных кривотолков, свои приемы и методы выработки оценки. Попробуем же, оставив в стороне политическое многословие по поводу личности и дела В. Жириновского, рассмотреть с научных позиций его работу «О судьбах России», состоящую из трех частей: I. Уроки истории; II. Последний бросок на юг; III. С моей точки зрения...¹

Из первой части работы мы узнаем, что историей автор занимается « всю жизнь » и

¹ Жириновский В.В. О судьбах России. Часть I. Уроки истории. М., 1993. Часть II. Последний бросок на юг. М., 1993. Часть III. С моей точки зрения... М., 1993.

вполне обоснованно полагает, что «без знания истории невозможно разобраться в вопросах современности» (I, с. 3). Не менее обоснованной с точки зрения современной исторической и социально-политической науки представляется и другая тезисная мысль, согласно которой «заниматься изолированно проблемами Востока вне связи с Западом невозможно» (I, с. 3). Каким бы условным ни было это деление в истории человеческой культуры и науки, где бы ни проводился водораздел, оно самой природой парного определения подчеркивает единство двух различных частей света и человеческих объединений, их населяющих. И с этим фактом, не игнорируя логики научного рассуждения, трудно не считаться.

Не вызывает серьезных возражений и деление автором профессиональных историков на фактологов и концептуалистов. Автор попытался к анализу исторических фактов применить знание юриспруденции, усматривая в ней концептуальное средство «найти достоверный подход к анализу проблем истории» (I, с. 3). Он утверждает, что ему в результате таких действий удалось, наконец, сформулировать свою «*общую концепцию* (курсив мой. — А.З.) хода исторического развития России — ее прошлого, настоящего, будущего» (I, с. 3).

Попытаемся же разобраться в том, что представляет собой эта концепция и насколько она научно обоснована и состоятельна.

Данный автором краткий очерк формирования, жизнедеятельности и политики российского государства с древнейших времен по октябрь 1917 г. уместен. Основные исторические вехи и теоретические положения этого обзора сомнения не вызывают. Они достаточно хорошо известны благодаря трудам выдающихся российских историков — Карамзина, Соловьева, Ключевского и др. Суть их сводится к тому, что «заселявшая Московское княжество русская (великорусская) нация, наиболее среди славян многочисленная, культурно и хозяйственно развитая, взяла на себя миссию объединения местного славянского населения в единое государство» (I, с. 7).

Государственное объединение сопровождалось экономическим сплочением отдельных областей и земель. Последнее требовало проведения целенаправленной государственной политики для обеспечения внутренних и внешних потребностей национально-государственного организма.

Проведение такой политики встречалось с очевидными трудностями, требовало дипломатической гибкости, экономической устремленности, напряжения сил не только государственного организма, но и всего российского народа. Худо-бедно, а на протяжении столетий сложилась великая Российская империя с присущей ей централизованной государственно-политической системой, экономикой, культурой, народом, его психологией, образом жизни. Дорогую цену заплатили россияне за право жить в окружении западных и восточных народов своей самостоятельной национальной жизнью, в основе которой лежало стремление не к самоизоляции, а к взаимовыгодному сотрудничеству. Ни подвигов, ни битв, ни жизней, ни жертв людских здесь не перечисть. Богата событиями российская история и не исчерпала себя еще до конца российская судьба. Каково-то наше будущее, можно ли увидеть его в зеркале нашей истории, можно ли найти в ней урок и подсказку как нам жить и действовать, чтобы не только не растерять, но и, следуя традициям и заветам дедов и отцов, преумножить нажитое, чтобы не оставить детям и внукам в наследство лишь разбитое российское корыто?

Как известно, риторический вопрос содержит в себе ответ... Давно стало традицией для нас, россиян, в критические моменты своей жизни оглядываться назад, стремясь увидеть, угадать в изгибах пройденного пути направления будущего движения. Именно так поступает автор работы «О судьбах России». Для него отечественная история — процесс естественного эволюционного развития нации, который был прерван с вступлением России в октябре 1917 г. на революционный путь: «А как хорошо было в начале века. Российская империя» (II, с. 8).

Отдав должное ностальгии по прошлому, автор категорически утверждает, что революция прервала процесс естественного эволюционного развития русской нации в пределах Российской империи, насильственно бросив ее в условия национальной дискриминации. «Мы изувечили нашу страну... Мы русскую нацию, самую передовую, заставили уйти вниз. Силой заставили. Материально, через законы, через психологическое давление» (II, с. 9).

Итак, первый концептуальный итог: Российская империя — результат естественного исторического развития русской нации — была насильственно, противоестественно разрушена, а на ее месте столь же насильственно и противоестественно было создано искусственное государство СССР. По мнению автора, ненационалистический характер русского народа способствовал распространению и утверждению интернационализма как

идеи, призванной обеспечить равенство национальных государственных прав отдельных народов в пределах бывших союзных республик. Тем самым изначально под СССР заложена мина замедленного действия, которая не могла не взорваться и действительно взорвалась, когда стало ясно, что не только не предвидится всемирной пролетарской революции, но и коммунистическое движение в кризисе. Гибель Российской империи означала деградацию русской нации, характеру и устремлениям которой эта империя соответствовала. Но восстановление российской государственности в пределах СССР было ограничено республиканскими государственно-территориальными объединениями, не желавшими поступать тем суверенитетом, который они получили в рамках СССР и существенно упростили после его распада. Семидесятилетнее торжество идеи интернационализма в СССР обернулось катастрофическим ущемлением не только национальных, но и гражданских прав русскоязычного населения в так называемом ближнем зарубежье.

Казалось бы, здесь уже не история и не теория, а политика. С этим неизбежно приходится соглашаться. Однако следует помнить и о том, что рассматриваемая концепция предполагает знание и понимание не только российской истории, но и тех социальных, политических, геополитических, экономических и культурных процессов, без трезвой оценки которых невозможно осуществить столь вожденное возрождение Российского государства и российского народа.

Другим ключевым моментом концепции автора является то, что в современном конституционном оформлении Российской Федерации он усматривает повторение той же политической ошибки, которая привела к распаду СССР. Речь идет об административном национально-территориальном делении страны на республики и округа. В этом он усматривает реальную возможность для дальнейшего территориального распада России: «Следующий этап — это становление 20 республик Российской Федерации» (III, с. 18).

Если отойти от политических предвзятостей, симпатий и антипатий и попытаться объективно оценить ситуацию, то невольно склоняешься к выводу: такая возможность (и опасность) действительно существует. Что произошло в истории однажды, может повториться. И это повторение станет уже закономерным результатом неестественного распада Российской империи и довольно искусственного (на принципах не российской по происхождению марксистской идеологии) создания СССР с его противоестественными республиками, наделенными в свое время правами на самоопределение вплоть до отделения.

Стоит лишний раз говорить о том, что единство Союза ССР обеспечивалось единством его политической системы, ядро которой, по Конституции 1977 г., составляла партия. История подтвердила это. Рухнула партия — рухнул Союз как правопреемник Российской империи. Крушение политической системы, созданной большевиками на базе идеологии, в основе своей чуждой российскому менталитету (сейчас это становится особенно очевидным), нанесло наиболее серьезный ущерб многовековому историческому делу российского народа и российского государства, которые не столько поработали, сколько стремились к объединению и согласию с теми народами, этносами, с которыми им приходилось соприкасаться.

Так повелось на Руси со времен естественной колонизации выходцами из южно-русских киевских земель северо-востока Восточной Европы, населенного в то время преимущественно угро-финскими племенами, так и продолжалось до недавнего времени, когда даже после неслыханно разорительной для страны второй мировой войны народ-победитель более чем гуманно отнесся к побежденным, не только отказавшись от вполне естественных в то время материальных компенсаций, но и оказывая им значительную безвозмездную помощь. Делалось это согласно интернационалистской идеологии, идеала интернационального долга, в качестве пролетарской помощи трудящимся других стран. Однако это на поверхности, на словах. В действительности же за всей этой идеологической мишурой стоял народ великой культуры, с великими традициями гуманного, добрососедского и снисходительного отношения к более слабому, побежденному, попавшему в беду, а потому нуждающемуся в милосердии. Естественно все это для психологии, менталитета нашего народа: и смешно, и глупо, и наивно, бессмысленно расточительно в глазах тех, кто сформировался и жил в рамках иной системы культурных и духовных ценностей (где господствуют сухой рационализм и бездушный прагматизм), иных представлений о справедливости и воздаянии. (Увы, даже в христианстве эти понятия трактуются неоднозначно.)

Политическая система и ее идеология, основные черты которой были весьма некритически позаимствованы на Западе, рухнула. Но народ остался. Живы его культура, ценности, менталитет — поколебленные, трансформированные годами коммунистического эксперимента, но при всем том неистребленные, свои. Жива его интеллигенция — новая,

возрожденная в соответствии с установками официальной коммунистической идеологии, испытывавшая на себе сильное ее влияние, многое усвоившая, но вместе с тем критическая, по происхождению отечественная, российская интеллигенция, мыслящая не только глобальными, общечеловеческими категориями, но и живущая интересами своей нации, своего народа. Она прошла искус интернационализма, пролетарских ценностей, возводившихся в ранг общечеловеческих (которыми почему-то чаще всего оказываются ценности западноевропейской культуры и цивилизации), и всерьез обращается к проблеме возрождения адекватного национального самосознания, без которого не мыслима жизнь ни одной нормальной страны, ни одного суверенного государства.

И «новые русские», несмотря на то, что бизнес по сути своей интернационален и не имеет границ (деньги — везде деньги), не могут не думать о возрождении и развитии национальной экономики, промышленности, сельского хозяйства, банковско-финансового дела с крепким российским рублем, ценным наряду с любой устойчивой зарубежной валютой. Думают и идут ради этого на значительные для себя издержки, поступают вопреки сиюминутным деловым интересам ради возрождения эффективной национальной системы хозяйствования.

А российская глубинка, провинция думает о возрождении традиционных национальных форм самоуправления, традиционной организации форм земской жизни (вспомним, что из различных русских земель сложилось Российское государство).

Все это (и многое другое) говорит о том, что народная жизнь не угасла, она продолжается и ищет в настоящее время наиболее приемлемую для ее упорядочения, организации форму государственного устройства и управления. Не интернациональную, не общечеловеческую, а свою — ту, которая удобнее, ловчее, не жмет и не давит, не набивает кровавых мозолей, а не мешает жить и работать, работать и жить.

Национализм ли это? Фашизм? Элементарный здравый смысл говорит нет, нет и нет. Это возрождение национального самосознания, которое ничуть не хуже американского, французского, немецкого, еврейского, китайского и всякого другого самосознания, которые почему-то политологами, социологами, полемистами с фашизмом не соотносятся. Наоборот, мы, граждане России, российский народ, с точки зрения международного права и общечеловеческих ценностей имеем все основания жить и действовать в соответствии со своими традициями, со своей историей, культурой, психологией, нравственностью. Мы хотим мира и не хотим вражды, войны — как международной, так и гражданской. Эта главная национальная цель. И для ее достижения вполне логическим представляется снятие административно-государственных акцентов на национальном вопросе внутри страны.

Автор книги «О судьбах России» одним из первых понял и поднял эту проблему. Предлагаемое им решение перехода страны от национально-территориального административного деления к административно-территориальному кажется необычным лишь в свете последних семи десятилетий отечественной истории. Если, же взглянуть подалее вглубь в свою историю, если взглянуть на государственную организацию многих развитых стран мира, то в таком решении нет ничего супероригинального, неожиданного. Более того, оно выглядит вполне естественным и логически обоснованным: почему в одном государстве должны действовать разные законы или различно применяться единые государственные законы к лицам различных национальностей, если они являются полноправными гражданами данного государства? Порядок и справедливость в государстве можно обеспечить только в том случае, если в нем будет один государственный закон для всех, один государственный язык, одна армия, одна служба поддержания внутреннего порядка и т.д. Но народные обычаи, земские традиции могут и будут оставаться различными, не ущемляя прав и свобод личности на самовыражение в пределах установленного законом правопорядка.

Нет государства без территории, и плохо то государство, которое всеми доступными ему средствами не обеспечивает целостности, неделимости этой территории. Здесь мы вольно или невольно вступаем в область геополитики, в которой книга дает немало интересного.

Суть авторской позиции по данному вопросу достаточно отчетливо изложена во второй части его работы под хлестким названием «Последний бросок на юг». Название на первый взгляд экстравагантное, шокирующее, как бы специально выбранное для возбуждения общественного мнения. За ним невольно просматривается политическое желание автора привлечь внимание читающей публики к своей позиции, заставить о ней говорить, создав впечатление оригинальности и новизны. Однако при внимательном ее рассмотрении убеждаешься в том, что автор всего лишь позволил себе вспомнить и откровенно выразить то, что долгое время политиками и дипломатами маскировалось под цветастой идеологи-

ческой фразеологией — марксистского, демократического, фундаменталистского или какого-либо иного толка. За этой маскировкой скрывался интерес любого народа в улучшении условий своей жизни и развития.

Так было с древнейших времен, история которых есть история движения народов в поисках лучшей доли, так продолжается и в наше время. Разве что это движение приняло не столь откровенные формы или поменяло свой характер, направление. В XV—XVI веках народы Западной Европы, ограниченные в своем движении на юг арабами и турками, на восток — Московским государством, устремились в Новый свет, через Атлантический океан на Запад. В это же время значительно возросшее под защитой Московского государства русское население столь же настойчиво стремится на Восток, к Уралу и далее в Сибирь. Процесс освоения новых земель западноевропейцами и россиянами продолжался до XX века и сопровождался относительно небольшими, локальными их столкновениями главным образом в Русской Америке, на крайнем западе Североамериканского континента, куда русские первопроходцы и западноевропейские пионеры прибыли почти одновременно, но различными путями. Как известно, россияне не удержались в Америке, Тихий океан и его проливы стали естественной границей между двигавшимися навстречу друг другу народами. Казалось, что горизонтальный раздел мира закончился.

Но XX век показал, что это далеко не так. Дважды на его протяжении Япония на востоке, а Германия в Европе взрывали мир на стыках государственно-континентальных и культурно-исторических формирований, стремясь к переделу мира, к завоеванию жизненного пространства как на Западе, так и на Востоке.

Новые социально-политические реалии, новые виды вооружения заставили нации искать новые формы взаимодействия и решения геополитических конфликтов. На смену Лиге наций пришла ООН, в ответ на создание НАТО возник Варшавский договор. Границы государств в Европе стабилизировались, и в Хельсинки в 1977 г. договорились об их неизблемости. Тем самым мир в горизонтальной перспективе, можно сказать, также стабилизировался. Надолго ли?

Изменения последних лет заставляют серьезно задуматься над этим вопросом. Крушение двухполярной мировой системы, появление более десятка новых самостоятельных государств, искусственное ограничение территории Российского государства, ограничение его выходов к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям ставят не одну геополитическую проблему. Главное состоит в том, что без дымовой завесы революционно-демократической и коммунистической идеологии мы имеем дело с Российским государством, народами его населяющими и традиционно связанными общностью территории, экономики, политики, государственного языка, системы науки, образования и многим другим, что естественным образом формировалось веками.

Продолжится ли распад этого целого или будет остановлен? Нужно ли бороться за целостность Российского государства или в угоду политикам и деловым кругам западного мира согласиться на его расчленение? Выбор, как видим, невелик. В какую-то сторону перетянет чаша исторических весов? Есть над чем задуматься и профессору, и предпринимателю, и рабочему, и крестьянину, и священнослужителю. На что здесь решиться? Может быть посоветоваться с историей? Ну, что же. Не в первый раз.

Для того чтобы прояснить некоторые особенности рассматриваемой геополитической концепции, обратимся к истории идеи общественно-политического и исторического процесса. Обществоведом хорошо известно, что формирование этой идеи в том виде, в котором мы ее чаще всего встречаем в настоящее время, происходило преимущественно в средиземноморском культурном регионе еще в античности. А начиная с Возрождения оно было постепенно поставлено на научную основу, разработанную в рамках романо-германской культурной традиции.

Суть этой идеи сводилась и сводится к тому, что человечество представляет собой единое родовое целое, которое развивается от низшего состояния к высшему. Причем лидером в этом развитии выступают наиболее продвинутые в промышленном отношении страны. В XVIII—XIX веках таковыми были страны Западной Европы, а с середины XX века лидерство переходит к Соединенным Штатам Америки. Именно они задают мировому человеческому сообществу эталон общечеловеческих ценностей и образцов поведения. Кино, телевидение и прочие средства массовой информации весьма эффективно пропагандируют во всем мире американской образ жизни и так называемую Американскую мечту.

Но в науке всеобщее признание или признание большинством еще не является универсальным критерием истины. Однако для адептов противоположной точки зрения научно

обоснованным и справедливым («во имя человечества», «во имя прогресса») становится любое вмешательство промышленно развитых стран в дела слаборазвитых, своеобразный мессианский патронаж.

На этом фоне внешне обоснованной начинает выглядеть идея установления такого мирового порядка (вместо рухнувшей двухполярной системы), где господствует принцип строгой иерархии: пирамиду венчают «наиболее развитые», а далее, по нисходящей, располагаются все остальные, в зависимости от их промышленного, технического, технологического, финансового и научно-культурного веса. Как это ни удивительно, но такая идея служит в конечном счете обоснованием все того же принципа мирового господства, при реализации которого не единожды уже содрогался мир и который так и не был никогда реализован. Почему?

Во всяком случае не из-за отсутствия желания у тех, кто его исповедывал. Этой акции в человеческой истории препятствовали и препятствуют такие факторы, которые не укладываются в рамки европоцентристской (с некоторых пор — американоцентристской) идеи прогресса.

Что же это за факторы? Прежде всего возможность иного понимания и интерпретации развертывания общечеловеческой истории. Как бы то ни было, но Западная Европа не единственный очаг возникновения и развития культуры и цивилизации, да и не единственно продвинутой в этом отношении. Были и есть другие. В научный обиход представление об этом вошло довольно прочно после появления знаменитой работы О. Шпенглера «Закат Европы».

Для своего времени (конец первой мировой войны) концепция Шпенглера стала поистине революционной. Шуму она наделала очень много, и как-то незаметным осталось то обстоятельство, что аналогичные взгляды были высказаны за пятьдесят лет до появления работы Шпенглера русским естествоиспытателем и историком Н.Я. Данилевским в книге «Россия и Европа».

Однако и Н.Я. Данилевский только условно может считаться автором концепции всемирной истории как истории возникновения и сосуществования различных культурно-исторических типов. По сути своей Н.Я. Данилевский лишь систематизировал, обобщил (а не позаимствовал у, Г. Рюккерта, как полагал В. Соловьев), то, что до него было подготовлено и высказано русскими философами и историками И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. Высказано еще в начале XIX века, т.е. в тот самый период, когда в России шло интенсивное формирование российской интеллигенции и образованного класса — носителей и выразителей российского национального светского самосознания.

Именно это самосознание, саморефлексия привели к отчетливому представлению о том, что Россия в культурном отношении *нечто иное*, чем Европа. И в этом нет ничего страшного и постыдного для нее. Она способна к овладению западноевропейской наукой, организацией промышленности, инженерного дела, техникой живописи, скульптуры, литературы, образования и т.д. Но она не может идти по пути слепого подражания и копирования (хотя и этим грехом страдают россияне). Даже усвоив многие достижения западноевропейской науки и культуры, Россия оставалась Россией — государством, разметавшимся от Балтийского моря до Берингова пролива, со своими традициями, менталитетом и... интересами.

Дальнейшая история России (вплоть до октября 1917 г.) — это поиск путей разумного согласования ее национальных интересов с интересами других народов и других культур.

Армия в этом процессе была не последним аргументом. Стыдно? Ужасно? А есть ли в мире хотя бы одно значительное государство, которое сохранилось без армии? Прав, ой как прав автор, когда утверждает: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую» (III, с. 56). И необязательно, чтобы чужая располагалась на территории этого народа. Как говорится, есть варианты.

В истории Российского государства армия использовалась не только для ведения прямых войн. Часто оказывалось достаточным лишь авторитета российского оружия для заключения разумных политических договоров и предотвращения геноцида. Воссоединение с Украиной в XVII веке, присоединение Грузии и Армении — лучшее тому подтверждение. Часто на сопредельные территории русские войска входили не как завоеватели, а по просьбе народов и их правительств, выполняя освободительные функции. Именно так было в конце XIX века во время освобождения от турецкого ига Болгарии. И не только ее, но и государств Европы, на которые Турция упорно давила с юга.

Юг не только для Европы, но и для России на протяжении веков был чреват опасностью. Северные леса и южные степи во время Киевской Руси, турецко-крымское давление почти

до конца XVIII века, ираноперсидское и кавказское на протяжении почти всего XIX века — это реальные факты российской истории, становления Российского государства. Россию упорно отжимали от Черного (Русского) и Каспийского (Хвалынского) морей, но она к ним периодически возвращалась. Как бы сказал Л. Н. Гумилев, энергия пассионарного толчка еще не исчерпала себя. Но эта энергия не обязательно должна выливаться в форму военного стремления России на юг, к Индийскому океану. Энергия, как и вода, склонна устремляться в том направлении, в котором открываются возможности для прохода. На юге они сейчас открываются без вмешательства России. С ее уходом из Закавказья и Средней Азии там начались процессы национальной розни, подлинного геноцида, с которым, судя по всему, без стабилизирующего влияния спокойной и мощной России самим народам этих регионов не справиться.

В Таджикистане уже сейчас большинство населения не желает, чтобы там сложилась ситуация как в Афганистане, где после вывода советских войск война не только не прекращается, но и набирает силу. А потому здравомыслящие таджики не хотят ухода российских войск. Вместе с тем они не желают, чтобы эти войска (и русские) вмешивались в их внутренние дела и устанавливали свои порядки, определяли «хороших» и «плохих» (См: *Мария Королев. Два месяца с моджахедами. Таджикистан и Афганистан глазами американки* // Моск. новости. 1994. № 25, 19—26 июня. С. 5). Удобная позиция. Русской кровью заслониться от надвигающейся внутренней национальной резни, и все это задарма, как и Советском Союзе, на отвергнутых ради «национальной независимости» коммунистических принципах интернациональной безвозмездной помощи.

В политике, особенно во внешней, россиянам действительно пора вспомнить о своих национальных интересах. И если стране интересен выход к южному океану, если он логически неизбежен, то не надо упускать его из вида. Но для этого не обязательно ввязываться в новую войну и кровью россиян платить за суверенитеты стран ближнего зарубежья. В разумной геополитике важен не гегемонизм, не идея мирового господства, а баланс интересов тех наций, культурно-исторических центров, которые совместно могут обеспечить политику регионального сотрудничества, новый мировой порядок.

Этот порядок имеет все основания, а потому может и должен стать полицентрическим: США, Западная Европа, Россия, Китай, Япония. В горизонтальном отношении (широтном) они территориально примыкают друг к другу. При их мощи и системе союзов военный конфликт между ними (если он вопреки здравому смыслу начнется), неизбежно примет глобальный мировой характер. Остается только договор, только согласие о разделении интересов в меридиональном направлении, к чему и сводятся основные выводы из геополитической концепции автора рецензируемой работы.

Конечно, в данной статье были рассмотрены далеко не все пункты концепции В. Жириновского. В ней немало пропагандистского, агитационного материала. Его анализ, как и политическая оценка логики автора, выходит за пределы нашей задачи. Что же касается концептуального фундамента позиции лидера ЛДПР, то он, как выясняется, в значительной степени соотносится и согласуется с историческими и геополитическими традициями Российского государства. Удастся или нет автору эти традиции обогатить, не дискредитировав их в глазах россиян и мирового общественного мнения, — вопрос будущего, на который сейчас трудно ответить однозначно.